

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11244

EDN: DFQNPX

Семантика образа Обломова в романе И. А. Гончарова и критике

Ю. А. Ростовцева

*Институт искусств и информационных технологий
(г. Зеленоград, Российская Федерация)*

e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта популярность юнгианского подхода в изучении образа героя самого известного романа И. А. Гончарова. Одновременно высказана гипотеза о правомерности так называемого «ангажированного» подхода, согласно которому ключом к пониманию образа главного героя служит христианская аксиология. Оттеняющим репрезентативным материалом явилось сопоставление Ильи Обломова со Штольцем и Ольгой Ильинской. В отличие от последних, Обломов не обладал самолюбием и лукавством и в самые тяжелые минуты способен был не ответить злом на зло. Даже matrimonialный выбор Обломова, который часто интерпретируют в связи с инволюцией его психики, в свете христианской аксиологии выглядит непротиворечивым и оправданным: Обломов избрал в спутницы жизни не только хлебосольную, но и добродушную женщину, чуждую эгоизма и самолюбия Ильинской. Кроме того, в статье рассмотрена параллель «Илья Муромец — Илья Ильич», дополненная новыми наблюдениями, а также сделан вывод, что сходство между русским богатырем и персонажем Гончарова имеет больше не внешний, а внутренний характер. Подобно православному святому, Обломов способен на подвиги великодушия и любви.

Ключевые слова: Гончаров, Обломов, Штольц, Илья Муромец, семантика образа, христианство, юнгианский подход, нравственный облик героя

Для цитирования: Ростовцева Ю. А. Семантика образа Обломова в романе И. А. Гончарова и критике // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 122–134. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11244. EDN: DFQNPX

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11244

EDN: DFQNPX

Semantics of Oblomov's Image in I. A. Goncharov's Novel and Criticism

Julia A. Rostovtseva

*The Institute of Arts and Information Technology
(Zelenograd, Russian Federation)*

e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Abstract. The article reveals the popularity of the Jungian approach in studying the image of the hero of the most famous novel by I. A. Goncharov. At the same time, a hypothesis is made about the legitimacy of the so-called “biased” approach to understanding Oblomov, according to which Christian axiology serves as the key to understanding the image of the protagonist. All the following arguments are proof of this thesis. The comparison of Ilya Oblomov with Stolz and Olga Ilyinskaya is revealing and allows to offset their differences. The author of the article proves that, unlike the latter two, Oblomov was not conceited or cunning, and is able not to respond to evil with evil even in the most difficult moments. Even Oblomov's matrimonial choice, which is often interpreted in connection with the involution of his psyche, seems consistent and justified in the light of Christian axiology: Oblomov chose not only a hospitable, but also a good-natured woman, alien to Ilyinskaya's selfishness and conceit. In addition, the article considers the parallel “Ilya Muromets — Ilya Ilyich,” supplemented with new observations, and also concludes that the similarity between the Russian hero and the Goncharov's character is internal rather than external. Like an Orthodox saint, Oblomov is capable of feats of generosity and love.

Keywords: Goncharov, Oblomov, Stolz, Ilya Muromets, image semantics, Christianity, Jungian approach, moral character of the hero

For citation: Rostovtseva J. A. Semantics of Oblomov's Image in I. A. Goncharov's Novel and Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 122–134. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11244. EDN: DFQNPX (In Russ.)

«Вообще модная в последние годы в России тенденция найти в “Обломове” православный смысл кажется мне совершенно необоснованной», — декларирует автор одного из сравнительно недавних исследований, посвященных произведению И. А. Гончарова [Мэла: 36]. Это, впрочем, не мешает французскому слависту Э. Мэла рассматривать образ главного героя романа с точки зрения аналитической психологии:

Обломов «в юнговской терминологии — пожертвовав *персоной*, сохранил *самость*», — отмечает автор [Мэла: 37]. Не утверждая «православный смысл» прочтения образа Обломова как единственно возможный, нельзя одновременно не удивиться той личностной ограниченности, которую приписывает герою западная славистка. Слова «пожертвовав *персоной*» в контексте юнгианской теории коллективного бессознательного значат, что Илья Ильич носил маску, «которая подделывается под индивидуальность и пытается заставить других и своего носителя думать, будто он индивидуален» [Юнг: 183]. Выходит, именно псевдоиндивидуальностью герой Гончарова и пожертвовал? И это говорится о персонаже, для которого ничегонеделание было своего рода протестом окружающей действительности, о характере, который «никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь»¹.

«Высшее начало» личности Ильи Ильича, признаваемое им самим и в ворах, и в падших женщинах, самом, что называется, «негодном сосуде», Э. Мэла отвергается как нечто надуманное. Представляется, что при прочтении классика, писавшего в стране, для которой православие является не только суммой религиозных представлений, но и культурной традицией, подобный взгляд не стоило бы признавать «совершенно необоснованным». Нелишне упомянуть здесь гончаровские слова, которыми он откликнулся на картину И. Н. Крамского «Христос в пустыне»: «...все почти гении искусства принадлежат христианству»². Между тем, «модное» православное осмысление трагической судьбы Обломова приходится лишь на вторую половину XX в. (сегодня апологетом подобного подхода является почти один только В. И. Мельник), в то время как юнгианское прочтение романа лишь при первом знакомстве с историографией вопроса принадлежит Г. Башлярю [Bachelard], Ф. Лабриоль [Labriolle], Н. Баратофф [Baratoff], Ю. Г. Алексееву [Алексеев], В. Н. Криволапову [Криволапов, 2012]. Список можно было бы продолжить.

¹ Гончаров И. А. Обломов. Л.: Наука, 1987. С. 362 (Сер.: Литературные памятники). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

² Гончаров И. А. «Христос в пустыне» — картина г. Крамского // И. А. Гончаров-критик. М.: Сов. Россия, 1981. С. 110.

В работе Э. Мэла, цитатой из которой начата настоящая статья, автор высказывается против правомерности аналогии Илья Обломов — Илья Муромец: «О сходстве Обломова с Ильей Муромцем пишет В. Кантор, но его подход, с моей точки зрения, *слишком социологичен* и не выявляет собственно литературные мотивы обращения к этой легенде» (курсив мой. — Ю. Р.) [Мэла: 34]. Позволим поправить автора в том, что первым на связь былинного героя с персонажем романа Гончарова еще в начале XX в. указал Ю. И. Айхенвальд, а отнюдь не Кантор [Айхенвальд: 147]. Довольно симптоматично, однако, в данном случае другое — то, что Мэла не может допустить аналогию Обломова с былинным героем, даже если бы она была сделана на *бессознательном* уровне в то время, как означенная типология имеет право на существование и находится вполне в *спектре адекватных прочтений* романа [Есаулов: 8].

Вспомним, что и внутри самого текста автор сделал некое указание на значимость образа Ильи Муромца для понимания характера главного героя. Упоминание о богатыре появляется в главе «Сон Обломова», выражающей собой своего рода квинтэссенцию подсознательных и вполне осознанных устремлений героя. Персонаж Гончарова не просто Илья, но Илья *Ильич*, что в контексте его более чем тридцатилетнего бездействия (Илья Муромец также «сиднем сидел цело тридцать лет»³) только усиливает означенную параллель. Обломов имел «золотое сердце», о его добродетелях, а не только богатырской удали свидетельствует восприятие былинного героя русским народным сознанием. Известна трактовка образа Ильи Муромца, озвученная братьями Аксаковыми за три года до публикации романа в «Русской беседе» (1856, № 4):

«...в нем нет удалства. Все подвиги его степенны, и все в нем степенно: это тихая, непобедимая сила. Он не кровожаден, не любит убивать и, где можно, уклоняется от нанесения удара. Спокойствие нигде его не оставляет; внутренняя тишина духа выражается и во внешнем образе, во всех его речах и движениях. <...> Илья Муромец пользуется общеизвестностью больше

³ Илья Муромец / подгот. текстов, ст. и комм. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958 (Сер.: Литературные памятники). С. 9.

всех других богатырей. Полный неодолимой силы и непобедимой благости, он, по нашему мнению, представитель, живой образ русского народа»⁴.

Вместе с тем Илья Муромец не только фольклорный персонаж, это православный святой. Его общецерковное почитание установлено указами Святейшего Синода в конце XVIII в. Можно было бы игнорировать значение этого факта для российской словесности, если бы рукописные сборники и лубочная литература XVIII–XIX вв. не отражали православный контекст восприятия былинного героя.

В повестях Нового времени Илья Муромец, как и подвижник веры, наделен благочестивыми отцом и матерью. Так, в «Повести о сильнем могучем богатыри Илие Муромце и Соловье-разбойнике» чудесное исцеление происходит уже не волею одних калик-волхвов, а по усердным молитвам родителей будущего богатыря, бывших в тот день за всенощной⁵. Тот же мотив вымоленного исцеления можно встретить и в других прозаических переложениях дообломовского и постобломовского периода⁶. Не уступает родителям в религиозности и сам богатырь. Прежде чем отправиться в Киев на поклон к великому князю Владимиру, он «слуша заутреню воскресную», прежде чем войти в палаты княжеские, «молился чесным святым иконам». Само окончание повестей о русском богатыре репрезентирует сакральный контекст понимания. Не случайно ряд текстов заканчивается словами: «Конец сему повествованию. Аминь», где «аминь» выполняет функцию молитвенную, а не просто служит сигналом об окончании текста.

Сюжетная типология романа и былины об Илье Муромце представлена в статье В. Кантора [Кантор]. Автор приходит

⁴ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 120. Впервые параллель между наблюдением Аксаковых и гончаровской характеристикой Обломова была рассмотрена в статье В. Кантора [Кантор].

⁵ Повесть о сильнем могучем богатыри Илие Муромце и о Соловье-разбойнике // Илья Муромец. С. 357.

⁶ Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Муромы к стольному граду Киеву ко князю Владимиру Всеславьевичу // Илья Муромец. С. 361.

к выводу, что после исцеления через калик переходящих, место которых в произведении занимает «путешественник» Штольц, Илья Ильич должен был выйти на свои ратные подвиги. Этим нереализованным содержанием, этим редуцированным подвигом богатырство главного героя исчерпывается. Вместе с тем, вопрос о внутренних чертах богатой натуры Обломова остается до сих пор до конца не решенным. Представляется, что удвоением имени (Илья *Ильич*) Гончаров приглашает читателя к размышлению об исполинстве Обломова, которое, повторимся, не следует понимать только внешне — как проявленное в определенных поступках.

Описывая характер главного героя, традиционно прибегают к антитезе Обломов–Штольц. Это противопоставление используют как почитатели «русского немца» [Мельник: 143], так и те, кому он представляется носителем темного, фаустовского начала в противовес почти святому в своем созерцательном бездействии Илье Ильичу [Louria, Seiden: 47]. Однако сегодня на основании одного указания о Штольце в тексте романа («веру он исповедовал православную» (120)) выстраиваются целые положения о христоцентричности поведения героя, об укорененности его в православной традиции, в то время как вероисповедание Обломова изначально затрагивает якобы «лишь плотски-душевную жизнь человека» [Мельник: 140]. Еще наивнее кажется нам подход, согласно которому нравственные установки Андрея Штольца поверяются апостольскими посланиями, другими новозаветными книгами, наследием святых отцов — со всеми идущими отсюда более чем утешительными выводами для образа героя [Мельник: 143–144]. Как христианская добродетель преподносится даже сверхдеятельность Штольца. Между тем, у внимательного читателя редко остается восторженное впечатление от знакомства с этим характером. В действительности, корнем всех благ, механизмом всей жизненной машины в Штольце является самолюбие. Об этом недвусмысленно говорит Ольга Ильинская в пятой главе второй части романа:

«Но ведь самолюбие везде есть, и много. Андрей Иванович говорит, что это почти единственный двигатель, который управляет волей» (157).

Добавляя Обломову:

«Вот у вас, должно быть, нет его, оттого вы все...» (157).

В другом месте главный герой и сам отмечает, казалось бы, ущербное отсутствие самолюбия в своей натуре, замечая своему другу:

«У тебя крылья есть: ты не живешь, ты летаешь; у тебя есть дарования, самолюбие...» (305).

По большому счету, вся добродетельная жизнь Штольца, фамилия которого не случайно переводится как «гордый», сводится к любви к труду ради самого труда:

«Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей» (144).

В. Н. Криволапов в своем исследовании, посвященном образу героя, убедительно показал, что подобное понимание трудовой деятельности сродни протестантской этике: «Это положение практически все объясняет в ситуации отторжения Штольца “русским миром”, связанным с иными религиозными традициями, не скорректированными реформацией, которая, как известно, не затронула православного Востока» [Криволапов, 1997: 49].

Самолюбие — одно из первых качеств, с помощью которого Гончаров делает штрихи к портрету Ольги Ильинской — своего рода ученицы Андрея Штольца. Самолюбивой называет себя сама героиня, самолюбивой изображает ее автор:

«Между тем и ему <Штольцу> долго, почти всю жизнь предстояла еще немалая забота поддерживать на одной высоте свое достоинство мужчины в глазах *самолюбивой, гордой* Ольги...» (360; курсив мой. — Ю. Р.).

Помимо этой, воспетой ею черты характера, пагубной для души христианина, героиня обладала и другой — лукавством:

«Она была не без лукавства» (269).

Как и в случае с самолюбием, данная особенность человеческой души персонажа представлена в противоположность обломовской бесхитрости:

«Ты не лукав — я знаю, но...» (274).

Является ли отсутствие гордости, самолюбия и лукавства христианской добродетелью? Пожалуй, что так. Однако их отсутствие еще не указывает на богатырскую душу Обломова. Отсутствие зла — еще не есть добро. Между тем, Илья Ильич не чужд и истинно благородных порывов. Нравственным чувством проникнуто его понимание жизни. Человечность и подлинное существование слиты для героя воедино. В разговоре с литератором Пенкиным он так мотивирует отказ от чтения новомодного художественного произведения:

«Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! <...> Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову» (25).

Гуманизм Обломова прост, он покоится на заповеди любви к ближнему, признании «высшего начала» в самом отъявленном грешнике. Осудить для героя, предать остракизму падшего человека — «это значит забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, то есть вы сами», забыть о «милосердии Божии» (26).

Иначе на любовь смотрят Ольга и Штольц. Последний холодно и расчетливо оценивает свои увлечения женским полом, чтобы избежать напрасных сердечных мук, первая, самолюбиво признав Обломова недостойным объектом своей сердечной привязанности, отвергает его. Как ведет себя отвергнутый герой, которому доставало ума понять и то, что вердикт возлюбленной продиктован гордым чувством собственного достоинства? Он не имеет и тени желания излить ответный яд, Гончаров уподобляет своего персонажа нищему, «которого упрекнули его наготой» (290). Не случайно в оценке Ольги Илья Ильич наделяется одной из высших христианских добродетей — кротостью:

«Ты кроток, честен, Илья...» (289).

Но и этого недостаточно Гончарову-гуманисту. Как переживает душою, как радуется о счастье Ольги, столь больно уязвившей его при последнем свидании, Обломов по прошествии времени. При одном из таких излияний великодушия сам Штольц восторгается другом:

«Какой ты добрый, Илья!» (336).

Эта радость за счастье товарища поднимает героя на одну из высших ступеней христианской добродетели, о которой преподобный Авва Дорофей говорит так: «...велико <...> радоваться вместе с предпочтенным тебе»⁷. Обломов разделяет счастье не только друга, но и той, которая нанесла рану его самолюбию. Знаменательно в этой связи наблюдение «русского немца»:

«А радость разве не чувство, и притом еще без эгоизма? Ты радуешься только ее счастью» (336).

Итак, герой способен к высшему сопереживанию, к которому призывал апостол Павел: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12:15). В этом истинный подвиг Обломова, который под силу только богатырской душе — исполину духа. Заметим, что эти духовные свершения происходят уже на ту пору, когда герой, если еще не «погиб», выражаясь языком Штольца, то погряз в своей «обломовщине».

Как следующую ступень деградации, погружение в «прозаическое царство немых вещей», по мнению М. Эхре, следует рассматривать матримониальный выбор Обломова — женитьбу на Агафье Пшенициной [Ehre: 207]. Менее категоричный взгляд высказывает Ф. Лабре. По ее мнению, избрание в супруги Агафьи Матвеевны — лишь итог вечного стремления Обломова в мир детства, по причине чего герой и выбирает себе жену-мать [Labriolle: 51]. Сходный подход использует и Э. Мэла, видя в решении Обломова связать себя узами брака с Пшенициной «возврат к матери, “представляющий собой одну из сильнейших тенденций инволюции психики”, ее развития вспять» [Мэла: 31]. Между тем, значение образа

⁷ Дорофей Авва. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. М.: Благовест, 2010. С. 241.

Агафьи Матвеевны для Обломова можно интерпретировать и иначе. И желание размеренной, покойной жизни героя, которое по замечанию М. М. Пришвина, «таит в себе запрос на высшую ценность»⁸, и тоска по утраченному земному раю обретают под заботливым оком Агафьи Пшеницыной свое воплощение. Однако едва ли можно утверждать, что героиня Гончарова — это только кухонная стряпня да белые локти. Супруга Обломова была подлинно религиозна [Старыгина], вверяя себя и весь свой дом в волю Божию, она часто посещает храм, в котором подает записки за здоровье Ильи Ильича.

Безусловно, религиозность самого Обломова предстает перед нами в слабом, редуцированном виде; тем большее сопротивление вызывают попытки увидеть в герое воплощение целого ряда евангельских блаженств [Мельник: 140–141], как и стремления назвать его времяпрепровождение «жизнью святого созерцания» [Louria, Seiden: 53], «духовным покоем» [Котельников: 30]. Вместе с тем в Илье Ильиче есть безусловная любовь к патриархальному укладу жизни, не последнее место в котором отведено православию. Стоит вспомнить тот укор в любви к обыденщине, с которым набрасывается на Обломова Ольга Ильинская в сцене их последнего объяснения:

«А с тобой мы стали бы жить изо дня в день, ждать **Рождества**, потом **масленицы**, ездить в гости, танцевать и не думать ни о чем; ложились бы спать и **благодарили Бога**, что день скоро прошел...» (выделено мной. — Ю. Р.) (288).

Можно было бы утверждать, что обрядоверие Обломова имеет исключительно гастрономические корни и сводится к желанию сладко покушать после очередного поста или за днем ангела, но сам герой недвусмысленно обозначил свою религиозность уверенностью в наличии высшего начала в каждом Божьем сосуде. Вероятно, и поэтому тоже супругой его смогла стать обедневшая дворянка Агафья Пшеницына.

Таким образом, некая «ангажированность» [Романова: 252] не мешает увидеть, что мысль о наличии у главного героя христианских идеалов основана не только на одном желании

⁸ Пришвин М. М. Дневниковая запись 15 апреля 1921 года // Пришвин М. М. Дневники 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. С. 166.

рассмотреть «Обломова» как «православный роман», но и на вдумчивом прочтении текста произведения. Подобные интерпретации добавляют светлые штрихи к образу героя, которого А. П. Чехов называл «мелкой натурой»⁹, а критик А. П. Милюков «апатичным эгоистом»¹⁰, помогают разглядеть в Обломове богатыря духа, способного на подвиги великодушия и любви. Образ же православного богатыря Ильи Муромца, который, по слову В. Кантора, волновал творческое воображение Гончарова [Кантор: 184], служит лишь оттеняющим фоном к настоящим наблюдениям.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1906. Вып. 1. 243 с.
2. Алексеев Ю. Г. Об одной точке зрения на роман И. А. Гончарова «Обломов» в свете философии Юнга // Человек в культуре России: материалы VIII Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. 2000. С. 64–65.
3. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). М.: РГГУ, 1995. 100 с.
4. Кантор В. «Долгий навывк к сну». Размышления о романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 149–185.
5. Котельников В. А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1. С. 3–41.
6. Криволапов В. Н. Вспомним о Штольце // Русская литература. 1997. № 3. С. 42–66.
7. Криволапов В. Н. Обломов И. А. Гончарова в свете аналитической психологии К. Г. Юнга // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3–2 (23). Ч. 2. С. 001–003.
8. Мельник В. И. Евангельские проекции в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 139–146.
9. Мэла Э. Лень Обломова: блеск и нищета утраченной полноты // Обломов: константы и переменные: сб. науч. ст. / сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 30–38.
10. Романова А. В. «Обломов» с акцентом // Обломов: константы и переменные: сб. науч. ст. / сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 235–252.

⁹ Переписка А. П. Чехова: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. С. 214.

¹⁰ Милюков А. П. Русская апатия и немецкая деятельность // Отголоски на литературные и общественные явления. Критические очерки. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1875. С. 19.

11. Старыгина Н. Н. Вера и воцерковленность Агафьи Матвеевны Пшеницыной (по роману И. А. Гончарова «Обломов») // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: сб. ст. Арзамас, 2006. С. 307–325.
12. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Cogito centre, 2010. 350 с.
13. Bachelard G. La terre et les rêveries du repos. Paris, 1948. 409 p.
14. Baratoff N. Oblomov: a Jungian Approach. A Literary Image of the Mother Complex. Bern, Peter Lang, 1990. 148 p.
15. Ehre M. Oblomov and His Creator. The Life and the Art of Ivan Goncharov. Princeton, New Jersey, 1973. 309 p.
16. Labriolle F. Oblomov n'est-il qu'un paresseux? («Обломов просто ленивый?») // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10. No. 1. Pp. 38–51.
17. Louria Y., Seiden I. M. Ivan Goncharov's Oblomov: the Anti-Faust as Christian Hero // Canadian Slavic Studies. 1969. Vol. 3. No. 1. Pp. 39–68.

References

1. Ayhenval'd Ju. I. *Siluety russkikh pisateley [Silhouettes of Russian Writers]*. Moscow, 1906, issue 1. 243 p. (In Russ.)
2. Alekseev Ju. G. About One Point of View on the Novel by I. A. Goncharov "Oblomov" in the Light of Jung's Philosophy. In: *Chelovek v kul'ture Rossii: materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury [Man in the Culture of Russia: Materials of the 8th All-Russian Scientific and Practice Conference Dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture]*, 2000, pp. 64–65. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N. V. Gogolya) [The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work (N. V. Gogol's "Myrgorod")]*. Moscow, the Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 100 p. (In Russ.)
4. Kantor V. "Long Habit to Sleep" Reflections on the Novel by I. A. Goncharov "Oblomov". In: *Voprosy literatury*, 1989, no. 1, pp. 149–185. (In Russ.)
5. Kotelnikov V. A. "Peace" in Religious, Philosophical and Artistic Contexts. In: *Russkaya literatura*, 1994, no. 1, pp. 3–41. (In Russ.)
6. Krivolapov V. N. Let's Remember About Stolz. In: *Russkaya literatura*, 1997, no. 3, pp. 42–66. (In Russ.)
7. Krivolapov V. N. Oblomov by I. A. Goncharov Under Analysis by K. Jung. In: *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University]*, 2012, no. 3 (23), part 2, pp. 001–003. (In Russ.)
8. Mel'nik V. I. Evangelical Projections in I. A. Goncharov's Novel Oblomov. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities]*, 2008, no. 4, pp. 139–146. (In Russ.)
9. Mela E. Oblomov's Laziness: the Brilliance and Poverty of Lost Completeness. In: *Oblomov: konstanty i peremennye: sbornik nauchnykh statey [Oblomov:*

- Constants and Variables: Collection of Scientific Articles*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011, pp. 30–38. (In Russ.)
10. Romanova A. V. “Oblomov” with an Accent. In: *Oblomov: konstanty i peremennye: sbornik nauchnykh statey [Oblomov: Constants and Variables: Collection of Scientific Articles]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ, 2011, pp. 235–252. (In Russ.)
 11. Starygina N. N. Faith and Churching of Agafya Matveevna Pshenitsyna (Based on the Novel by I. A. Goncharov “Oblomov”). In: *Pravoslavie v kontekste otechestvennoy i mirovoy literatury [Orthodoxy in the Context of Domestic and World Literature]*. Arzamas, 2006, pp. 307–325. (In Russ.)
 12. Jung K. G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo [Essays on Psychology of the Unconscious]*. Moscow, Cogito centre Publ., 2010. 350 p. (In Russ.)
 13. Bachelard G. *La terre et les rêveries du repos [The Earth and the Reveries of Rest]*. Paris, 1948. 409 p. (In French)
 14. Baratoff N. *Oblomov: a Jungian Approach. A Literary Image of the Mother Complex*. Bern, Peter Lang Publ., 1990. 148 pp. (In English)
 15. Ehre M. *Oblomov and His Creator. The Life and the Art of Ivan Goncharov*. Princeton, New Jersey, 1973. 309 p. (In English)
 16. Labriolle F. Oblomov n'est-il qu'un paresseux? [Is Oblomov just a Lazy Person?]. In: *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1969, vol. 10, no. 1, pp. 38–51. (In French)
 17. Louria Y., Seiden I. M. Ivan Goncharov's Oblomov: the Anti-Faust as Christian Hero. In: *Canadian Slavic Studies*, 1969, vol. 3, no. 1, pp. 39–68. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ростовцева Юлия Александровна, Julia A. Rostovtseva, PhD (Philology), кандидат филологических наук, доцент, Институт искусств и информационных технологий (Льяловское шоссе, 1, г. Зеленоград, Московская область, Российская Федерация, 141570, Moscow Region, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>; e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 10.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2022

Принята к публикации / Accepted 31.08.2022

Дата публикации / Date of publication 12.09.2022